

Политика Японии в Тихоокеанской Азии и интересы России

В начале второго десятилетия XXI века ситуация в области безопасности в Тихоокеанской Азии становится все более непредсказуемой и сложной. Она развивается на фоне смены ролей ключевых региональных акторов и наращивания их военной мощи. В условиях усиления неопределенности в регионе интересы России заключаются сегодня в создании политической и экономической инфраструктуры для обеспечения политики «разворота на Восток». Ставя задачи диверсификации связей и выстраивания стратегически перспективных отношений на Тихоокеанском пространстве, Россия заинтересована в налаживании широкого взаимодействия с крупнейшими региональными державами, среди которых важное место занимает Япония. При этом следует иметь в виду, что в японском внешнеполитическом мышлении и планировании в последние годы происходят значительные изменения. Их учет и анализ необходимы для формирования сбалансированной повестки двустороннего сотрудничества.

Становление нового стратегического курса

Во времена «холодной войны» в стратегическом мышлении Японии доминировал подход, основанный на так называемой доктрине Есида. Согласно ей при сохранении широкого запрета на ведение военных действий, задача обеспечения безопасности страны возлагалась на союзника — США взамен предоставления и обслуживания американских военных баз на японской территории. Это позволило сконцентрировать все усилия на экономическом восстановлении¹. После окончания «холодной войны» Япония постепенно дистанцировалась от этой парадигмы, проводя курс на «нормализацию», основными направлениями которой в последние годы стали укрепление обороноспособности, принятие больших обязательств в рамках японо-американского альянса, активизация международной деятельности.

ВОДА Кристина Рудольфовна — младший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Ключевые слова: Япония, Россия, Синдзо Абэ, внешняя политика, ценностная дипломатия, японо-российские отношения, глобальный мир.

¹ См. **Добринская О. А.** Эволюция политики Японии в области обеспечения национальной безопасности после крушения биполярной системы международных отношений : дисс. ... кандидата ист. наук. М., 2005.

Одним из примеров реализации политики «нормализации» служит постепенное снятие ограничений на зарубежную деятельность сил самообороны (ССО) Японии. В начале XXI века ССО оказывали невоенную помощь в операции по поддержанию мира в Ираке (2003–2008), а также участвовали в тыловом обеспечении контингентов антитеррористической коалиции в Афганистане (2001–2010). Кроме того, с 2011 года Япония направляет ССО в состав международной миротворческой миссии ООН в Южном Судане. С 2009-го ССО ведут борьбу с пиратством у берегов Сомали, обеспечивая сопровождение торговых судов. Для поддержки этой деятельности в Джибути в 2011 году была открыта первая после Второй мировой войны японская военная база за рубежом.

В нормативно-правовой области для повышения эффективности управления ССО в 2007 году статус оборонного ведомства, носившего с 1954 года название Управления национальной обороны, был повышен до министерского. Это позволило ему напрямую участвовать в распределении бюджетных заявок, а также обеспечило военному руководству более самостоятельную позицию в правительстве.

Ключевым документом, закрепившим изменения стратегического мышления Японии в начале второго десятилетия XXI века, стали выпущенные правительством Демократической партии «Основные направления национальной обороны на период с 2011 года». Документ ознаменовал окончательный отказ от подхода времен «холодной войны», призывавшего готовиться к обороне против полномасштабного вторжения Советского Союза. Вместо этого акцент ныне сделан на угрозах, находящихся в так называемой серой зоне, которые невозможно с определенностью классифицировать как вооруженное нападение. Вводилось понятие «динамическая оборона», отвечающее задачам обеспечения безопасности в таких ситуациях, как, например, террористическая атака, присутствие в территориальных водах неидентифицируемого судна, нападение на отдаленные острова и др.²

Смена правительства в декабре 2012 года и приход к власти возглавляемой Синдзо Абэ Либерально-демократической партии не привели к существенным изменениям стратегического курса. Можно выделить три ключевых приоритета оборонной политики, обозначившихся за первые два года пребывания Абэ на посту премьера, дополнивших меры его предшественников. Во-первых, это увеличение военных расходов. С 2013 финансового года сокращение оборонного бюджета, наблюдавшееся в течение 11 лет, было остановлено (см. табл.).

Таблица

Оборонные расходы Японии в 2010–2015 финансовых годах (млрд иен)

Финансовый год (начинается 1 апреля)	2010	2011	2012	2013	2014	2015 (запрос)
Общие расходы	4683	4663	4645	4680	4784	4980
Прирост (процент)	-0,4	-0,4	-0,4	0,8	2,2	4

Источник: Министерство обороны Японии. — www.mod.go.jp/e/d_budget

² См. National Defense Program Guidelines for Financial Year 2011 and Beyond. Ministry of Defence. 17.12.2010. — www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf

Рост затрат по большей части обеспечивают мероприятия по укреплению обороны отдаленных островов Японского архипелага. Среди них — увеличение числа служащих и создание дополнительных подразделений, наращивание количества учений, а также принятие на вооружение для этих целей дополнительных единиц боевой техники — беспилотных самолетов, патрульных вертолетов, подводных лодок и пр.

Вторым приоритетом правительства Либерально-демократической партии стало усиление оборонных институтов. В декабре 2013 года создан новый Совет национальной безопасности (СНБ) — консультативный и координационный орган при кабинете министров, призванный усилить его роль в принятии решений, повысить их качество и оперативность. Одним из первых распоряжений СНБ стал пересмотр порядка экспорта вооружений, фактически запрещенного с 1967 года. Это обстоятельство тормозило развитие военно-промышленного комплекса, а также препятствовало увеличению взаимодействия в рамках японо-американского альянса. Согласно новым смягченным принципам экспорт вооружений из Японии возможен, если он соответствует задачам национальной безопасности, укреплению мира и развитию международного сотрудничества³. Данная формулировка развязывает руки экспортерам, однако в ближайшей перспективе потенциальными получателями японских вооружений и технологий будут США, а также избранные партнеры в АТР: Индия, Австралия, Филиппины и, возможно, Южная Корея.

Наконец, третьим приоритетом стала дальнейшая переориентация оборонной политики с упором на противодействие нетрадиционным угрозам безопасности. Правительство Либерально-демократической партии приняло новые «Основные направления национальной обороны на период с 2014 года». В них были поставлены задачи создать «динамичные силы обороны»; повысить возможности сбора разведанных, наблюдения, рекогносцировки; не допустить атаки на отдаленные острова; усилить защиту от ракетного нападения; эффективно реагировать на угрозы в области космической, кибербезопасности; активно участвовать в международном сотрудничестве по поддержанию мира и стабильности⁴.

Анализ решений правительства Либерально-демократической партии в оборонной сфере позволяет сделать вывод о продолжении политики «нормализации», которая рассматривается правящей элитой как естественный способ адаптации к изменяющимся международным условиям. Полноценным нововведением в этот курс, сделанным Абэ, можно считать пересмотр права Японии участвовать в коллективной самообороне, де-факто находящегося под конституционным запретом.

³ См. Бэй хакусэ, 2014 [Белая книга по обороне Японии, 2014]. — http://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2014/pc/2014/w2014_00.html

⁴ См. National Defense Program Guidelines for Financial Year 2014 and Beyond. Prime Minister of Japan and his Cabinet. 17.12.2014. — http://japan.kantei.go.jp/96_abe/documents/2013/_icsFiles/afeldfile/2013/12/17/NDPG%28Summary%29.pdf

Премьер-министр является сторонником пересмотра Конституции, положения которой, по его мнению, накладывают ограничения, не соответствующие новым задачам обеспечения безопасности. В период своего первого премьерского срока (2006—2007) он заявил о намерении «завершить конституционную реформу, пока находится у власти». Несмотря на то, что тогда Абэ не удалось достичь задуманного, в 2007 году парламент принял законопроект, устанавливающий правила проведения референдума о поправках к Конституции.

Заняв пост главы правительства во второй раз, Абэ продолжил добиваться внесения изменений в Основной закон, выбрав путь расширения толкования отдельных его положений. Проведенные Абэ кадровые перестановки, в частности смена главы законодательного бюро кабинета министров на сторонника изменения интерпретации Конституции, призваны ослабить нажим японской бюрократии, традиционно выступающей против любых нововведений. Итогом усилий Абэ на этом направлении стало решение кабинета министров от 1 июля 2014 года «о разработке целостного оборонного законодательства для обеспечения безопасности Японии и ее народа». Согласно ему право на коллективную самооборону может быть признано, если оно применяется для ответа на фундаментальные угрозы существованию страны и благополучию ее населения⁵.

Тем не менее конкретные границы применения новой интерпретации остаются предметом споров. Высказываются опасения, что слишком гибкая и расширительная трактовка права на коллективную самооборону может быть использована для вовлечения в войны и конфликты, которые и население, и большинство политиков в Японии считают чужими. Поэтому вопрос о том, на что японские военные должны иметь право, до сих пор остается неопределенным и спорным.

Основные направления тихоокеанской политики Абэ: американский приоритет

Политические элиты Японии и США не подвергают сомнению японо-американский военно-политический альянс как центральный элемент политики в области безопасности и обеспечения территориальной целостности японского государства. В последние годы увеличивается число задач и сфер деятельности альянса, включая противоракетную оборону, обмен разведывательной информацией, международные миротворческие операции и т. д. Продолжается перераспределение ответственности в рамках альянса и принятие Японией на себя больших обязательств.

В то же время в отношениях между союзниками возникают новые нюансы, способные осложнить их взаимодействие. В частности, в последнее время появились различия в трактовке угроз безопасности, требующих американского военного участия. Например, сегодня Японию

⁵ См. Cabinet Decision on Development of Seamless Security Legislation to Ensure Japan's Survival and Protect It's People. 01.07.2014. — www.mofa.go.jp/fp/nsp/page23e_000273.html

беспокоит возможность односторонних действий Китая, включая угрозу его вооруженного присутствия в районе спорных островов Сэнкаку / Дяоюйдао.

Рост военно-морской активности КНР в Восточно-Китайском море воспринимается как угроза безопасности, для снятия которой Япония стремится заручиться поддержкой американских союзников. В апреле 2014 года президент США Б. Обама впервые официально заявил, что на острова Сэнкаку распространяется действие договора безопасности, согласно которому США обязуются обеспечивать оборону Японии в случае внешней агрессии⁶. Однако, осуждая односторонние шаги КНР, США одновременно подчеркивают, что конфликт должен быть решен самими сторонами и обязательно в мирной форме. Поэтому полной уверенности в том, что в случае демонстративных действий со стороны Китая в этом районе США решатся на применение вооруженной силы, у Японии, по-видимому, нет.

Кроме того, периодическую напряженность в двусторонних связях вызывает ситуация вокруг перемещения военных баз на острове Окинава. Подписанный в 2006 году «Японо-американский план перемещения войск США» определил порядок сокращения численности и передислокации американских контингентов, в частности с авиабазы «Футэмма» на новый объект, который должен быть построен на Окинаве⁷. Однако население префектуры во главе с избранным в декабре 2014 года губернатором Т. Онага оказывает сопротивление планам правительства, требуя переместить авиабазу «Футэмма» за пределы острова. Вероятно, проблемы на Окинаве, где американские военные объекты располагаются в густонаселенных районах, останутся в среднесрочной перспективе фактором, осложняющим японо-американские отношения.

«Ценностная дипломатия»

В течение многих десятилетий во время «холодной войны» американская система международных отношений в Тихоокеанской Азии строилась на основе модели так называемой «втулки и спиц колеса» (hub and spokes system), в которой американский «центр» через усиление взаимодействия с союзниками обеспечивал сдерживание противников. После окончания «холодной войны» была поставлена задача по построению более прочных «боковых» альянсов, где Японии, возможно, будет отводиться роль центра координации и повышения боевых возможностей для стран-союзников и партнеров⁸.

⁶ См. The United States and Japan: shaping the future of the Asia-Pacific and beyond. U.S. — Japan joint statement. — www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/us-japan-joint-statement-united-states-and-japan-shaping-future-asia-pac

⁷ Подробнее см. **Вода К. Р.** Проблема перемещения военных баз в американо-японских отношениях: «Окинавский» фактор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2012. № 1. С. 31—38.

⁸ См. **Швьидко В. Г.** Роль Японии в формирующейся архитектуре безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе : доклад на российско-американской конференции по проблемам взаимодействия США в АТР. 3—4 марта 2014 г. М.: ИМЭМО РАН, 2014.

Одной из форм укрепления военно-политического взаимодействия с Тихоокеанской Азией стала так называемая ценностная дипломатия. Япония провозглашает общность стран, разделяющих ценности демократии, свободы, прав человека, верховенства закона и т. д., к которым помимо США относятся Южная Корея, Австралия и некоторые страны АСЕАН.

Импульс развитию военно-политических отношений с Австралией был дан в 2007 году, когда состоялась встреча между министрами иностранных дел и обороны в формате «2+2». В развитие сотрудничества в 2010 году между силами самообороны Японии и вооруженными силами Австралии было подписано соглашение о предоставлении поставок и услуг⁹. Условия соглашения ограничивают взаимодействие миротворческими, гуманитарными и спасательными операциями и не включают возможность предоставления оружия и амуниции. Тем не менее Австралия стала второй страной после США, с которой Япония может проводить отдельные оборонные мероприятия. Развивая стратегическое направление японо-австралийского партнерства, в 2013 году было подписано соглашение об охране информации, призванное обеспечить увеличение объемов сбора и обмена данными между военными ведомствами и специальными службами стран.

Рост беспокойства по поводу усиления военно-морской активности КНР стал одной из причин повышения внимания в начале 2010-х годов к странам Юго-Восточной Азии, в особенности к тем, кто испытывает опасения в связи с действиями Китая в акватории Южно-Китайского моря. После возвращения на пост премьер-министра Абэ за два года (2013—2014) посетил всю десятку членов АСЕАН. Подчеркивая общность азиатских морских держав, разделяющих ценности свободы судоходства и демократии, Абэ призывал лидеров АСЕАН поддержать политику США по увеличению своего присутствия в регионе¹⁰.

Особое место в тихоокеанской политике Токио занимает южнокорейское направление. Подчеркивается значение Южной Кореи как важного экономического партнера и военно-политического союзника США, а также как страны, декларирующей приверженность общим ценностям. Однако Японии не всегда удается купировать периодические обострения территориального спора, а также некоторые проблемы гуманитарного и исторического характера, существующие в отношениях соседей, и не допустить их отрицательного влияния на состояние двусторонних связей. В результате отмечается негативная реакция на усиление японской внешнеполитической роли со стороны Южной Кореи, которая в свою очередь наталкивается на непонимание

⁹ См. Agreement between the government of Japan and the government of Australia concerning reciprocal provision of supplies and services between the Self-defense forces of Japan and the Australian defense forces. — www.mofa.go.jp/region/asia-paci/australia/pdfs/agree1005.pdf (вступило в силу в обеих странах в 2013 г.).

¹⁰ См. The bounty of the open seas. Five new principles for Japanese diplomacy. Address by Sinzo Abe, Prime minister of Japan. 18.01. 2013. — www.mofa.go.jp

в самой Японии. В более общем плане ситуация усугубляется растущей самооценкой и националистическими настроениями, которые социологи наблюдают у населения Северо-Восточной Азии, что заставляет политиков придерживаться более жестких позиций по проблемам международного взаимодействия.

Для сближения союзников США еще в 1999 году инициировали трехсторонний диалоговый формат, включающий Японию и Южную Корею. Главной целью провозглашались координация мер в отношении Северной Кореи и углубление взаимодействия в военно-политической сфере. Итогом японо-южнокорейского сотрудничества должно было стать соглашение об обмене разведывательной информацией¹¹. Однако оно так и не было подписано из-за усиления антияпонских настроений в южнокорейском обществе. Впоследствии было принято решение об изменении формата соглашения и включении в него США. В конце 2014 года

«Ценностная дипломатия» рассматривается как инструмент по повышению внешнеполитической роли Японии в Тихоокеанской Азии, формированию вокруг японских границ стабильной международной среды, а также как элемент системы обеспечения безопасности, служащий дополнением союзу с США. При этом американский фактор играет ключевую роль.

был подписан меморандум об обмене секретной информацией в области обороны по ракетной и ядерной программам КНДР, установивший механизм непрямого обмена данными между Японией и Южной Кореей через США.

«Ценностная дипломатия» рассматривается как инструмент по повышению внешнеполитической роли Японии в Тихоокеанской Азии, формированию вокруг японских границ стабильной международной среды, а также как элемент системы обеспечения безопасности, служащий дополнением союзу с США. При этом американский фактор играет ключевую роль: развитие сотрудничества происходит, преимущественно, со странами-союзниками и партнерами США в Азии и идет по направлению создания широкой и прочной сети партнерств, объединяемых общими интересами и ценностями.

¹¹ См. South Korea — Japan General Security of Military Information Agreement (GSOMIA). — <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2012/06/29/57/0301000000AEN20120629008900315EHTML>

Китайский вызов

Рост китайского экономического и военного могущества в Азиатско-Тихоокеанском регионе неоднозначно воспринимается политическим истеблишментом Японии, который видит в КНР как важнейшего экономического партнера, так и потенциальный источник серьезных угроз безопасности. Наиболее существенное противоречие в двусторонних отношениях связано с различиями в восприятии стратегических установок и намерений друг друга, существующими у политических элит Японии и КНР. Особенно остро воспринимается наращивание военных возможностей одной стороной, которое оценивается противоположной как потенциальная и даже реальная угроза.

В начале 2010-х годов острые разногласия вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море привели к ухудшению японо-китайских отношений. Покупка в 2012 году правительством Японии островов у частного владельца вызвала резкий протест со стороны КНР, за которым последовала приостановка или снижение дипломатических контактов. В частности, в течение двух лет с конца 2012 года не происходило встреч лидеров обеих стран.

Ситуация усугублялась ростом военно-морской активности и усилением напряженности между сторонами в спорной зоне Восточно-Китайского моря, приведшим к резонансному инциденту с наведением китайского боевого радара на корабли морских сил самообороны Японии. В ноябре 2013 года КНР в одностороннем порядке объявила о расширении опознавательной зоны противовоздушной обороны в Восточно-Китайском море с охватом воздушного пространства над спорными островами Сэнкаку/Дяоюйдао. Требования ко всем воздушным судам запрашивать разрешение у китайских властей при заходе в эту зону вызвали критику Токио, который отказался признать такой шаг Пекина.

При этом экономическая взаимозависимость двух крупнейших азиатских экономик продолжает измеряться сотнями миллиардов долларов ежегодных объемов взаимной торговли и инвестиций. С 2006 года КНР занимает первое место среди крупнейших торговых партнеров Японии, которая, в свою очередь, является четвертым крупнейшим торговым партнером КНР после США, ЕС и АСЕАН. В 2013 году объем двусторонней торговли превысил 310 миллиардов долларов. В 2012 году объем японских инвестиций в экономику КНР составил около 13,5 миллиарда долларов. Между предприятиями Китая и Японии сохраняется высокий уровень разделения труда и производственной кооперации, в особенности в машиностроительной, электрической и электронной отраслях¹². Участие японских инвестиций остается решающим компонентом, необходимым для повышения технологического уровня и инновационного потенциала китайских производств.

¹² Подробнее см. **Лебедева И. П.** Роль Японии в экономическом развитии стран Восточной Азии // Япония в Азии: параметры сотрудничества. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 96–121.

Оживление японо-китайских связей, наметившееся в конце 2014 года, после встречи и переговоров Синдзо Абэ и Си Цзиньпина в Пекине, отражает общность долгосрочных интересов двух крупнейших азиатских экономик. Их взаимодействие сегодня является условием как для успешного продвижения региональных интеграционных проектов, так и для поиска согласованного решения общих проблем безопасности и развития в Тихоокеанской Азии. Однако недостаток доверия, наблюдающийся на высшем политическом уровне, сужает поиск компромиссных решений и препятствует устойчивому развитию диалога¹³.

Перспективы российско-японского взаимодействия

В начале XXI века развитие российско-японских отношений имело неравную динамику. После благоприятного в целом периода и дружеских личных контактов президента В. Путина с премьер-министрами Е. Мори и Д. Коидзуми в 2000—2006 годах дальнейшее развитие отношений потеряло прежний динамизм. Это было не в последнюю очередь связано с частой сменой премьер-министров и кабинетов в Японии в 2006—2012 годах. Во время пребывания на посту президента России Д. Медведева двусторонние политические связи в 2009—2011 годах пережили период охлаждения. В Японии был негативно воспринят первый визит главы РФ на остров Кунашир в 2010 году, после которого на несколько недель из Москвы был отозван японский посол¹⁴.

После вторичного прихода на пост премьер-министра Синдзо Абэ попытка распространить провозглашенный курс на «активную дипломатию» на российское направление. Он поставил задачу реанимировать переговоры по решению территориального спора, для чего заявил о намерении установить «доверительные личные отношения» с президентом России. В апреле 2013 года глава японского государства посетил Москву. По итогам встречи на высшем уровне стороны признали «ненормальным» отсутствие мирного договора и согласились возобновить и ускорить консультации по его подписанию¹⁵. В июне того же года начались российско-японские переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел двух государств.

Дальнейшему оживлению японо-российских связей способствовала встреча в формате «2+2» между министрами иностранных дел и обороны, впервые состоявшаяся в ноябре 2013 года. Данный формат использовался с 1990-х годов в Японии как механизм альянса с США, а в начале XXI века был распространен на взаимодействие Японии с рядом других стран, например Австралией и Францией. Российско-японские консуль-

¹³ Подробнее см.: **Вода К. Р.** Японо-китайские отношения на пороге холодной войны? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 10.

¹⁴ См. **Казakov О., Кистанов В.** Российско-японские отношения в первом десятилетии XXI века: движение вперед или топтание на месте? // *Япония наших дней*. 2013. № 3(17). С. 45—47.

¹⁵ См. Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров. Президент России. 29.04.2013. — www.kremlin.ru/transcripts/18000

тации «2+2» охватили вопросы противодействия пиратству, терроризму, международной преступности; проведения совместных военно-морских учений; кибербезопасности; взаимодействия в региональных и глобальных организациях и др. Стороны подтвердили важность совместных усилий для обеспечения стабильности в динамично изменяющейся ситуации в Тихоокеанском регионе¹⁶.

Вместе с тем переговоры выявили различия интересов и установок оборонной политики России и Японии. Российские министры отмечали, что укрепление японо-американского альянса не соответствует российским приоритетам построения системы комплексной «неделимой» региональной безопасности на внеблоковой основе. Осуществление японской программы создания системы противоракетной обороны вызывает беспокойство российских военных. Не встретили ожидавшегося понимания со стороны официальной России и алармистские высказывания государственных деятелей Японии по поводу военных усилий и региональной политики КНР.

Тем не менее встреча в формате «2+2» имела большое значение для укрепления доверия между оборонными ведомствами двух стран и поиска сфер будущего практического сотрудничества. Появилась возможность расширить список тем межгосударственного взаимодействия, включив в него, наряду с территориальными вопросами, обсуждение насущных проблем безопасности в Тихоокеанской Азии.

Однако после заметного улучшения российско-японских отношений в 2013 году последовало их не менее значительное охлаждение в 2014-м, вызванное в первую очередь украинским кризисом. После воссоединения с Россией Крымского полуострова Япония солидаризировалась с ограничительными мерами, предпринятыми странами Запада (март 2014 года). Она не признала результаты крымского референдума, поддержала приостановку членства России в «большой восьмерке», отложила переговоры по облегчению визового режима, подготовку двустороннего инвестиционного соглашения, приостановила сотрудничество в военной и космической сферах. В рамках второго раунда санкций (апрель 2014 года) Токио ввел запрет на въезд 23 российским гражданам, связанным с событиями на Украине. В качестве третьего этапа санкций (август 2014 года) японские власти включили в список лиц, которым запрещен въезд в Японию, 40 крымских чиновников и представителей Луганской и Донецкой самопровозглашенных республик (ЛНР и ДНР), а также ограничили импорт товаров из Крыма. Четвертый раунд санкций (сентябрь 2014 года) ввел ограничения для пяти российских банков с госучастием на привлечение средств в Японии, запретил экспорт японского вооружения в Россию. В качестве пятого этапа (декабрь 2014 года) японское правительство расширило «черный» список лицами и организациями, представляющими ЛНР и ДНР.

¹⁶ См. Дайиккай нитиро гайму бэй какурекеги [Первая встреча министров иностранных дел и обороны России и Японии]. 02.11.2013. Министерство обороны Японии. — www.mod.go.jp/j/press/youjin/2013/11/02.html

Особенностью позиции Токио стала попытка увязать события вокруг Украины с ситуацией в Восточно-Китайском море. Опасения правительства Японии по поводу усиления военно-морской активности КНР в районе спорных островов Сэнкаку/Дяоюйдао, а также необходимость придерживаться согласованной линии с США и другими членами «большой семерки» предопределили японский курс на осуждение действий РФ в связи с событиями на Украине. В ходе европейского турне весной—летом 2014 года премьер-министр Абэ заявил о «недопустимости изменения статус-кво при помощи силы», что, как было подчеркнуто, относится как к Европе, так и к островам, расположенным в Азии¹⁷.

В то же время санкции Японии носили достаточно мягкий характер, в отличие от мер, принятых США и Евросоюзом. Реальное их влияние на экономику России можно оценить как незначительное: по позициям, включенным в санкционный список, российско-японское взаимодействие оказалось небольшим или вовсе отсутствовало. Так, в Японии не было обнаружено имущества и личных счетов лиц, попавших в «черный список»; Япония не экспортирует вооружение в РФ и не импортирует крымские товары; российские банки до сих пор не выпускали облигации в Японии. Кроме того, между странами были сохранены многие двусторонние контакты, в том числе на высоком уровне.

Таким образом, конфигурация российско-японских связей в краткосрочной перспективе во многом будет зависеть от того, как правительство Японии и лично премьер-министр Абэ преодолеют противоречие между стремлением поддерживать хорошие отношения с президентом РФ и необходимостью проявлять солидарность со странами «семерки».

С российской стороны — несмотря на то, что официальная риторика указывает на недостаточную самостоятельность японской внешней политики и ее зависимость от американской линии, — в то же время посылаются сигналы о необходимости продолжать взаимодействие по широкому спектру отношений¹⁸. В целом ощущается потребность «переждать» этот неблагоприятный период для двусторонних связей, приостановив (но не прекратив) сотрудничество по проектам, где требуется серьезная государственная поддержка. Возобновление российско-японских переговоров на уровне заместителей министров иностранных дел в феврале 2015 года фиксирует публично выражаемое руководством обеих стран признание необходимости продолжать диалог, невзирая на неблагоприятные внешние условия для его ведения.

На фоне динамичных изменений в глобальных и региональных процессах сохраняются потребности японского политического класса к продолжению курса, направленного на «нормали-

¹⁷ См. Саммит G7 в Брюсселе. Премьер-министр Японии. — www.kantei.go.jp/jp/96_abe/actions/201406/04G7_Brussels.html

¹⁸ См. Комментарий МИД России в связи с введением Японией дополнительных санкций в отношении России. 29.07.2014. — www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/0AFB8FFF8A2CEB9144257D240022509C

зацию». При сохранении миролюбивой национальной идентичности происходит постепенный отказ от утративших свою актуальность подходов к восприятию Японии как нации, чей военный потенциал должен быть объектом сдерживания; постепенно увеличиваются военные возможности страны; снимаются ограничения, наложенные на оборонную сферу после окончания Второй мировой войны.

Кроме того, несмотря на то, что приоритет по-прежнему отдается военно-политическому альянсу с США, усиление неопределенности вблизи границ Японии вынуждает ее искать возможности укрепления безопасности способами, выходящими за рамки альянса, в том числе дополняя его другими двусторонними и многосторонними инициативами. Диверсификация военно-политических контактов Японии происходит в первую очередь за счет стран, разделяющих ценности демократии, верховенства закона и прав человека.

Китай сохраняет значение главного стратегического вызова. Противоречия, связанные с различиями восприятия стратегических установок и намерений друг друга, а также разногласия по территориальным и историческим вопросам преодолеть очень сложно, что приводит к периодическим кризисам. Однако объективная стратегическая значимость сторон друг для друга актуализирует потребности двустороннего сотрудничества для решения проблем развития. А это значит, что кризисы, появляющиеся в двусторонних отношениях, не выйдут за рамки, контролируемые правительствами обеих стран.

Состояние российско-японских связей на обозримую перспективу продолжит определяться общими тенденциями взаимоотношений России и Запада. Для развития двусторонних контактов в этих условиях первоочередной задачей является сохранение самостоятельной повестки взаимодействия, включающей помимо консультаций по территориальной проблеме поиск возможностей сотрудничества по вопросам экономики и безопасности. ◆